

К ИСТОРИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЧЕХОВЕДЕНИЯ НА ДОНУ**Сухов Н.И.**

Изучение творчества Чехова ростовскими филологами тесно связано с учениками Евгения Боброва. Евгений Бобров – видный русский философ, филолог, психолог и педагог. Леонид Громов – известный русский чеховед. Леонид Громов принадлежал к школе Боброва. Первое поколение учеников Боброва внесло значительный вклад в филологические и психологические исследования работ Чехова.

Ключевые слова: Е.А. Бобров, варшавско-ростовская психологическая школа, психологическое чеховедение, Н.Н. Сретенский, Л.П. Громов, М.П. Громов, А.П. Чехов.

Изучение творчества Чехова в Ростове и Таганроге тесно соприкасается с историей казанско-варшавско-ростовского философско-психологического направления, связанного с именами Евгения Александровича Боброва и его учеников. Показать все грани этой смежности – основная цель данного исследования, проведённого нами в рамках детального изучения зарождения и развития академической психологии в Варшавском, а затем и Ростовском университетах.

Бобров – крупный учёный с энциклопедическими познаниями в философии, психологии, лингвистике, педагогике, литературоведении. Родился Бобров 24 января 1867 года в семье рижского землемера. С 1885-го года учился в Юрьевском университете, где был учеником Густава Тейхмюллера. В 1890-м окончил университет со степенью кандидата по философскому и филологическому отделениям. С 1895 года занял в Юрьевском университете кафедру всеобщей литературы. С 1896 года в должности экстраординарного профессора преподаёт в Казанском университете. Здесь он читает разнообразные курсы по психологии, логике, педагогике, философии и помимо всего прочего организывает студенческий философский кружок, в котором занимались два самых видных его ученика Иван Иванович Ягодинский и Николай Николаевич Сретенский. В 1903 году Бобров переходит со званием экстраординарного профессора на кафедру философии в Варшавский университет. Вслед за ним переезжают Сретенский и Ягодинский. Здесь они создают кабинет психологии и педагогики, которым Бобров заведует вплоть до 1920 года. За всё время своей научной деятельности Бобров написал более трёхсот научных трудов. Созданное Бобровым научное сообщество объединило его коллег и едино-

мысленников и нашло себе пристанище в 1915 году в Ростовской эвакуации.

Это творческое сообщество развивалось и включает в себя не только учёных с широкими и разнообразными интересами, но и актёров, в частности знаменитого московского актёра и режиссёра Ю.А. Завадского. Дело в том, что в 1938–1939 годах в Ростове начинает свою работу Шекспировский кружок под руководством профессора Н.Н. Сретенского. Организован он был при Шекспировском кабинете областного отделения Всероссийского театрального общества в ноябре 38-го года. Кружок должен был объединить студентов и театральных работников, заинтересованных в систематическом изучении творчества Шекспира. Ещё до начала официальных заседаний кружок принял активное участие в работе театра им. Горького во время постановки «Укрощения строптивой». Ю.А. Завадский на собрании кружка доложил постановочный план спектакля. После генеральной репетиции участники кружка провели детальное её обсуждение. Сретенский и его шекспировский кружок в 1939-м году принимали активное участие в организации юбилейных дней Шекспира в Ростове. В частности, 6 апреля Сретенским была проведена публичная лекция в физическом корпусе Пединститута. В работе кружка на протяжении всего его существования активное участие принимал и Леонид Петрович Громов – известный донской чеховед.

Кроме того, Сретенским в 1925 учебном году, на лингвистическом отделении педфака ДГУ был прочитан семинарий по стилистике и поэтике. В систематической работе этого семинария нашлось место и чеховским «Мужикам». Свою методологическую позицию он характеризует так: «Я лично отнюдь

не сторонник «формализма» в духе ленинградской школы Эйхенбаума и В. Шкловского. Их заявления, что искусство исключительно «живёт на основе сплетения и противопоставления своих традиций», что «никакой причинной связи ни с «жизнью», ни с «темпераментом» или «психологией» оно не имеет», – всё это, конечно, затейливые парадоксальные лозунги с кокетливыми претензиями на неисчерпаемую оригинальность и новизну такого критического «остранения» литературы. Такие лозунги грозят завести искусствоведа в пустыню головоломных и вымученных схем, а целое литературного развития – как исторический процесс – оставить «на холостом ходу». В противовес исключительности такого толкования формального метода каждый трезвый наблюдатель скажет, что конечную и важнейшую цель работы, производимой при посредстве всех приёмов объективного изучения художественного материала, составляет рассмотрение – по выражению Н.И. Бухарина – «общественно-функционального смысла литературы». Семинарий преследовал три основных цели: «Прежде всего, хотелось дать исподволь вырастающее впечатление смены литературного языка, т.е. лексического материала и соответствующих стилистических и поэтических приёмов обработки его. Далее, желательно было не утратить из виду смены преобладающих сюжетов в их социальной мотивировке и соответствующей авторской идеологии на фоне общественно-исторического развития. И, наконец, было важно привести участников семинария хотя бы к самому общему представлению о «диалектике» литературных эпох и направлений, поскольку последняя главным образом выражалась в колебаниях равнодействующей двух сил: а) революционных порывов к новой форме и б) усвоения прежних литературных традиций – при непрерывной смене сюжетной стихии [2].

Итоги деятельности семинария Сретенский характеризует следующим образом.

Литература наших дней связана неизбежно и прочною преемственностью форм с истоками литературы классиков и типовые, напр., различия художественной манеры Пушкина и Гоголя ещё сейчас – *mutatis mutandis* – с большею или меньшею ощутимостью характеризуют современных писателей «попутчиков» и писателей пролетарского лагеря (стоит сравнить, с одной стороны Сейфулину, Вс. Иванова, Неверова, Ляшко, и, с другой, Леонова, Замятина, Серафимовича, Малышкина).

Кривая развития русской художественной прозы знает чередование типических моментов одностороннего «перерастания» головного начала, идейной тематики, за счёт ослабленного интереса к форме (народническая и вообще «передвижническая» беллетристика конца XIX века или, также, первые не-

затейливые побеги пролетарского эпоса) и моменты обратного «перерастания» формы с идеологической ущербностью (художественная проза символистов и декадентов, отчасти «серапионовцы»). Высоты гармоничного сочетания богатой формы и веского социального содержания отмечены именами Гоголя, позднее Достоевского, Толстого и Лескова, на рубеже XX века именами Чехова и Горького; приближение к устойчивому равновесию художественного концепта обещают и наиболее талантливые послеоктябрьские писатели: Сейфуллина, Бабель, Ляшко, Леонов.

Сравнительное изучение образцов русской художественной прозы показывает, что за вековой период имел место заметный рост экспликативных художественных приёмов, утончение их, социально обусловленный сдвиг словаря и самой речевой ритмики и интонаций, смена и расширение сюжетного репертуара. И всё же в качестве пожелания для современного литературного «молодняка» должно назвать не «новаторство ради новаторства» (*an und fur sich*), – равно и не литературный пессимизм! – а творческое ускорение и переработку лучших даров литературного прошлого с неременной установкой мысли и манеры речи на способности восприятия, здоровье, свежие вкусы и запросы новых читательских кругов. А поскольку эти круги расходятся до пределов широкой трудовой массы, восходящей сейчас по лестнице культуры, писатель-общественник (а не узкий сектант, и не чудачествующий отщепенец) не может не держать курса на простоту стиля и на возможно большую экономии художественно-выразительных средств, ибо (вспоминается Л. Толстой) величие и красота только там, где есть простота и правда [2].

Сам Бобров ещё до расформирования СКГУ, с 1927 года, вёл семинарий повышенного (научно-исследовательского) типа по истории литературы. Семинарий начал работу 23 января. За первые семь месяцев его работы было проведено 25 заседаний, было сделано 36 докладов. Целью работы семинария являлось научное исследование историко-литературных проблем в свете социологического метода. Работы по формальному методу, а также и по методу «форсоца», как противоречащие интересам науки истории не допускались. Тематика докладов была чрезвычайно широка. Среди прочих были представлены доклады о Гесиоде, Софокле, Шиллере, Гёте, Золя, Помяловском, Левитове, Достоевском. С докладом о пролетарском творчестве выступал ректор СКГУ Л.М. Ефремов. По общим вопросам литературоведения выступал и профессор Сретенский (Известия СКГУ, 1928 г.).

Но нас, прежде всего, интересует чеховский след в истории этого сообщества, он фиксируется в массиве доступных нам доказательств и источников, правда, довольно скромного. В частности это

публикации в университетских сборниках, фонд ЗНБ, фонды ГАРО, Интернет источники, воспоминания современников.

Как мы видим основным направлением, продолжившим своё развитие после смерти Боброва стало литературоведение. Н.Н. Сретенский по сути был общим учеником Ягодинского и Боброва. От Ягодинского к Сретенскому достались любовь к логике и философская эрудированность. Широкий кругозор, пристрастие к лингвистике и литературоведению досталось ему от Боброва. Свою любовь к литературе Сретенский передал и своему ученику Леониду Петровичу Громову. По устному сообщению Владимира Трофимовича Фоменко, которому Громов в конце 50-х годов читал курсы по литературе малых народов СССР и Чехову, это был чрезвычайно скрупулёзный, академически основательный исследователь. С 1964 года Громов возглавляет кафедру литературы Таганрогского государственного педагогического института. С его приходом основным направлением работы кафедры становится изучение творчества Чехова, раз в два года стали проводиться межву-

зовские конференции, Чеховские чтения, и издавать сборники статей участников конференции. На этой же кафедре вместе работали Иван Фёдорович Волков впоследствии ставший деканом филологического факультета МГУ и один из крупнейших чеховедов своего времени М.П. Громов. Влияние психолого-философской мысли Боброва, хоть и косвенное, не пропало.

Таким образом, мы видим, что изучение чеховского наследия на его родине началось не сразу, но впоследствии принесло весьма значительные результаты и немалый вклад в это внесли Бобров и его ученики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Е.А. Семинарий повышенного научно-исследовательского уровня по истории литературы // Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т. 3 (16). – С. 18–69.
2. Сретенский Н.Н. Из опыта семинария по стилистике и поэтике // Отдельный оттиск «Известий ДГУ». – Т. 6. – Ростов-на-Дону, 1925.